

В. А. Номоконов*,
Т. М. Судакова**

КРИМИНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО — ПОЗИТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ?

Аннотация. *Размышления ученых о будущем криминологии стали остроактуальными. Это не просто закономерный процесс ее развития, а реакция науки на сложившуюся неопределенность в формировании ее будущих методологических принципов и отражение сложного, противоречивого и даже деструктивного периода реформирования базовых основ самого общества с негативными прогнозами его развития. Направления развития будущей криминологии в существенной степени будет зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Необходимость модернизировать концептуальные и теоретические основы фундаментальной криминологии в условиях изменившихся форм и масштабов преступности сегодня общепризнана, при этом многие базовые категории криминологической науки находятся в стадии разработки и не получили удовлетворительных ответов вследствие приверженности исследователей устаревшим теоретическим взглядам. Сегодня созрела потребность в создании концептуальных основ будущей криминологии как интегративной науки с перспективным использованием идей, выдвинутых и обоснованных философской и психологической наукой и, возможно, эзотерических положений, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но могли бы быть полезными для решения криминологических задач. Следует поддержать предложения о поиске и об обосновании принципиально новых подходов к расширению методологического и теоретического арсенала криминологии, об объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Важной представляется актуализация проблемы возможности и целесообразности использования гуманно-личностного подхода как противовеса тотальной роботизации и насилию, а также критического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Нуждается в специальном исследовании предположение о том, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства (исключение одно: когда преступно само государство или его законы). Говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, конечно, надо видеть и определенную границу, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности.*

Ключевые слова: *будущая криминология, позитивная криминология, лично-гуманный подход в криминологии, концептуальные основы будущей криминологии.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.029-038

© Номоконов В. А., Судакова Т. М., 2018

* *Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дальневосточного федерального университета*
krime@mail.ru

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6

** *Судакова Татьяна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета*
krime@mail.ru

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6

Хочется приветствовать инициативу журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра» и коллег, размышляющих о судьбах будущей криминологии¹. Уже сформулированы интересные мысли, заслуживающие обсуждения и творческой полемики. Боимся ошибиться, но нам показалось, что участники дискуссии вольно или невольно, в большей или меньшей мере, но все же остаются в прокрустовом ложе оценок *сегодняшнего* состояния криминологии, сделанных на основе реалий *современного* общества. Правда, не так давно опубликованы интереснейшие исследования, посвященные анализу будущего общества, прогнозу тенденций и особенностей преступности завтрашнего дня². И если еще два года назад криминологи заявляли об отсутствии сколь-либо серьезных исследований футурологии преступности, концепции будущей преступности, то сегодня можно с уверенностью говорить об их появлении³. Но в этих работах речь идет главным образом об объекте криминологического изучения — преступности, об использовании методов прогнозирования преступности и ее опаснейших видов на ближайшую или отдаленную перспективу⁴. Впрочем, в части анализа использования новейших технологий в предупреждении преступлений данный пробел в значительной степени уже восполнен. И тем не менее в криминологической науке остается еще неосвоенным огромный пласт, о котором и пойдет речь. В фокусе нашего внимания в рамках данной статьи находится вопрос о том, какой может или должна стать криминология — помимо и наряду с цифровой модернизацией — завтра, через 10 или больше лет.

Да, действительно, общий тренд изменений в отечественной криминологии оптимизма не внушает. Криминология не только как юридическая, но и как политическая наука не

так давно была изгнана из государственного образовательного стандарта последнего поколения по понятным политическим мотивам и только с сентября 2018 г., как стало известно, восстанавливается в своих правах. Вообще, как видим, вся образовательная сфера последовательно бюрократизируется и все больше превращается в так называемые образовательные услуги, все дальше удаляясь от воспитательных задач. Эти и другие обстоятельства приводят к естественному выводу об ожидаемом угасании криминологии, да и не только криминологии.

Мы согласны с выводом, согласно которому человечество в целом сегодня подошло к критической черте, за которой грозно маячит гибель от глобальных и локальных войн, терроризма, насилия, эпидемий, голода, жажды, социальных потрясений в результате раскола на благополучное меньшинство и обездоленное большинство, религиозных и этнических конфликтов, паразитирования одной части человечества на другой его части и т.п.

Есть ли альтернатива? Уверены, что она есть. Криминологи совместно с коллегами, представляющими другие области науки, пытаются внести посильный вклад в решение социальных проблем. С момента своего зарождения криминология прошла гигантский путь познания криминальных реалий и их закономерностей, отечественными и зарубежными криминологами созданы основательные теоретические модели и концепции. Тем не менее во всем мире и нашей стране войны и преступления, в особенности экстремистской, коррупционной и террористической направленности, не только не идут на спад, но и вызывают все большее беспокойство.

Представляется, что дело не только в плохой криминологической обоснованности анти-

¹ См.: Горшенков Н. Г. Криминология в XXI веке — звезда с увеличенной светимостью // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 19—25 ; Иншаков С. М. Криминология в XXI веке // Там же. № 3 (46). С. 36—44 ; Фадеев В. Н. Будущее криминологии — криминология будущего // Российский криминологический взгляд. 2016. № 1.

² См.: Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М. : Книжный мир, 2017. 480 с. ; Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. М., 2018.

³ Овчинский В. С. Преступность: футурологический взгляд // URL: <https://www.izborsk-club.ru/8813> (дата обращения: 12.04.2017).

⁴ Суходолов А. П., Маренко В. А. Моделирование прогноза рецидивной преступности с применением нечетких множеств // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 15—22 ; Пилюгина Т. В., Натура Д. А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 61—70.

криминальной политики в глобальном и национальном масштабах и не только в игнорировании полезных рекомендаций криминологической науки. Полагаем, что назрела необходимость поиска и обоснования принципиально новых подходов к объяснению закономерностей современной преступности и предложений по оптимизации антикриминальной политики. Один из таких подходов заключается в расширении методологического и теоретического арсенала криминологии, объединении усилий представителей всех гуманитарных и даже естественных и точных наук. Такие предложения уже сделаны и их, безусловно, следует поддержать. В этом плане представляется плодотворной идея Г. Н. Горшенкова о «расширенной» криминологии, поскольку накопленный к настоящему времени массив знаний в отраслях наук криминологического цикла объективно требует теперь уже интегративного подхода к анализу и обобщению данных, полученных в результате исследований в рамках соответствующих наук⁵.

Однако вместе с тем надо видеть и более масштабную задачу, связанную с использованием еще более широкого объема информации, накопленной в целом в гуманитарных науках. Трудность и неразрешенность целого ряда проблем, на наш взгляд, обусловлена чрезмерной узостью «поля зрения» отдельных наук.

Пожалуй, общим недостатком многих криминологических работ последнего времени является их приверженность устаревшим теоретическим взглядам. В этой связи вспоминается один из методологических семинаров середины 80-годов прошлого века, где один из авторов данной статьи выступал с обоснованием необходимости нового юридического мышления. Один из тезисов был посвящен сомнениям (в то время еще только сомнениям!) в целесообразности сохранения смертной казни в стране. Тогда это было, по всей видимости, слишком рискованное сомнение. Его

(сомнение) тут же бросился развеивать один из самых известных в регионе (обратите внимание!) адвокатов. Последний хотя и являлся в высшей степени добрым и мягким в жизни человеком, говорил, увы, что отмена смертной казни «совершенно недопустима»... И что мы видим сегодня? Не только адвокаты, но и многие другие люди, пусть их и не большинство, стали противниками смертной казни⁶.

Необходимость модернизировать концептуальные и теоретические основы фундаментальной криминологии в условиях изменившихся форм и масштабов преступности признается сегодня все большим числом ученых. Более того, криминология как общественная наука отражает закономерный процесс становления интегративных подходов к принципам научного исследования.

Критическое осмысление методологических подходов криминологической теории в ретроспективе и современных воззрений показывает допустимость и целесообразность методологического плюрализма, даже полипарадигмального методологического характера криминологии современности.

Тенденции развития мировой криминологической мысли позволяют говорить о появлении обсуждаемой криминологами новой интегративной теоретической перспективы криминологии XXI в. как основы междисциплинарного исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических подходов. Достаточно перспективными представляются нетрадиционные методы, которые следует применять не столько для замены, сколько для дополнения традиционных методик⁷.

В рамках новых подходов представляется перспективным использовать идеи, выдвинутые и обоснованные философской и психологической наукой, и, не исключено, даже эзотерические положения, которые до сих пор не включались в методологию криминологии, но

⁵ См.: Горшенков Г. Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. Н. Новгород, 2015. 172 с.

⁶ Оговоримся сразу, что вопрос о том, быть или не быть смертной казни как виде наказания, на наш взгляд, должно решать само общество через всенародный референдум.

⁷ См. подробнее: Судакова Т. М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 656—665; Лиховая С. Я., Ланцева Ю. А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3; Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А., Кудрявцев В. Е., Шклярчук М. С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1.

могли бы быть полезными для решения криминологических задач⁸. В числе таких подходов можно назвать и *личностный* подход. Казалось бы, проблема личности преступника и без того всесторонне исследована криминологами и «белых пятен» уже не осталось. Однако, как представляется авторам, несмотря на обилие работ, посвященных проблеме личности, в криминологии пока преобладает в значительной мере механистический, упрощенный взгляд на личность преступника. Неслучайно в последнее время и в судебной-следственной практике борьбы с преступностью все более отчетливо обнаруживается явное обезличивание, выражающееся в слабом учете либо вообще игнорировании особенностей личности преступника. Более того, все чаще фиксируются факты обратной зависимости жесткости примененных мер уголовно-правового воздействия от степени общественной опасности личности преступника. Вместе с тем все громче слышны голоса тех, кто полагает, что не существует разницы между теми, кто совершает преступления, и законопослушными гражданами. Уже становятся даже общим местом утверждения о том, что в самой природе человека заложена склонность к преступлениям, что совершение или несвершение преступления конкретным человеком зависит прежде всего от случайного стечения обстоятельств и т.п. В этой связи вновь актуализировалась проблема возвращения личности в центр криминологической и уголовно-правовой проблематики.

Вероятно, кто-то удивится, однако даже в педагогике в качестве самостоятельного научно-практического направления существует так называемый гуманно-личностный подход. Казалось бы, педагогика по определению не может быть негуманной. Увы, на деле это не совсем так или совсем не так. Как верно отмечено в «Манифесте гуманной педагогики», сегодня мир стремительно меняется, но меняют его не культура и устремленность к Свету, а научно-технический прогресс со своей социальной установкой «бери от жизни все». Наряду со многими достижениями науки и техники, которые обогащают человечество, есть и «достижения» в виде сверхсекретного оружия

массового поражения, тотального контроля посредством всеобщей «чипизации» и манипулирование сознанием и подсознанием человека и целых сообществ людей. Утверждается тяга молодежи к вещам, разжигается страсть к удовольствиям, расшатываются основы семьи, духовные, религиозные и национальные устои народов. Ведется усиленная пропаганда секса и праздной жизни. Свергаются правительства, ведутся войны и уничтожаются государства. Гуманно-личностный подход возник в противовес тотальной роботизации и насилию. Суть его — в признании целостной сущности Ребенка: он есть полнота двух природ — духовной и материальной, в которых ведущей является Природа Духовная. Исходя из этого, предлагается новый фундаментальный принцип: весь педагогический процесс должен строиться сообразно целостной сущности Ребенка, а не только его материальной природе⁹. Вероятно, такой подход был бы перспективен и в работе по профилактике преступлений, о чем свидетельствует известный опыт А. С. Макаренко.

Однако вполне логично здесь и возникновение следующего вопроса: возможно ли в ближайшем будущем и в отдаленной перспективе воплощение в жизнь таких базовых подходов к целостной сущности личности, которые во многом отвергнуты сегодня самой жизнью с изменившейся системой доминирующих ценностей? Как их соотносить со все более ускоряющимся научно-техническим прогрессом, нашедшим преломление уже в «четвертой промышленной революции»? Суть последней ученые характеризуют через «деструктивную динамику, глобальную деструкцию, неопределенность, господство паразитарного капитала с рисками глобальной нестабильности, растущего неравенства и концентрации крайней бедности в ряде регионов мира»¹⁰. Возможно, стоит задуматься об адаптации криминологии к какому-то более рациональному подходу, в котором личностно ориентированные принципы по формированию гармоничной личности (если это вообще будет возможным) как базы прежде всего ранней профилактики преступности будут сочетаться с изменяющимися потребностями общества.

⁸ См., например: Манифест постматериалистической науки // URL: <http://www.eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/>.

⁹ См., напр.: Манифест гуманной педагогики // URL: https://www.vuzlit.ru/440013/manifest_gumannoy_pedagogiki.

¹⁰ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М., 2017. С. 24—25, 470—472.

Специалисты, изучающие массовое сознание граждан, особенности его содержания, сегодня оперируют терминами «прочно укоренившаяся в общественном сознании система деформаций», «деградация», обесценивание и нивелирование базовых нравственных ценностей» и т.п. Отдаем себе отчет, что затрагиваем серьезные извечные общеправовые категории о соотношении бытия и сознания, о критериях здорового общества и возможности его возрождения. И возможны ли в будущем какие-то нетрадиционные, неординарные методы воздействия на преступность или все предлагаемое для будущей криминологии — возрождение и методологическое внедрение забытых базовых принципов сосуществования человеческого общества и преступности с учетом современного и прогнозируемого состояния общественного сознания?

На наш взгляд, нуждается в критическом переосмыслении устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность. Сегодня за рамки криминологии действительно выводится вопрос о принципиальной эффективности или неэффективности карательно-силовых методов противодействия преступности, который заменяется вопросом о повышении эффективности этих методов, что далеко не одно и то же¹¹. Кроме того, ученые все более настойчиво говорят о целесообразности и необходимости смещения акцента в их деятельности по противодействию преступности как «ведущего» и координирующего специального субъекта на системное влияние и усиление деятельности неспециализированных субъектов.

Исчерпана ли старая, забытая идея «непротивления злу насилием»? Разумеется, общество и государство, как и любой гражданин, имеют право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств, это не может обсуждаться. Речь идет о возможности, целесообразности, об условиях и о границах применения государством и обществом мер, альтернативных принудительным. И речь в данном случае идет не просто о развитии и дальнейшем воплощении уже существующих институтов (к примеру, восстановительно-

го правосудия), а о создании нового концепта, с теми базовыми тактическими и стратегическими принципами, которые были бы стройно вплетены в контекст будущего общества.

Великие русские писатели, как известно, высказали свое отношение к этой проблеме. Основной вопрос Толстого: как разорвать замкнутый круг насилия, в котором государство осуществляет насилие над своими подданными и ведет войны против других государств, родители подавляют своих детей, учителя — учеников и т.д., и т.п. На насилие люди отвечают также насилием: угнетенные поднимаются на восстание и опять творят насилие. Если насилие иногда и защищало жизнь и спокойствие людей, то много чаще, напротив, становилось причиной величайших бедствий. До тех пор, пока люди будут неспособны устоять против соблазнов страха, одурения, корысти, честолюбия, тщеславия, поработавших одних и развращающих других, они всегда будут складываться в общество насилующих и обманывающих и насилуемых и обманываемых. Чтобы этого не было, каждому человеку нужно сделать нравственное усилие над самим собой¹².

Пока идеи Толстого о том, что закон жизни человеческой есть закон любви, дающей высшее благо как отдельному человеку, так и всему обществу, остаются не востребованными, насилие так и будет омрачать нашу жизнь. Может ли человечество предложить что-нибудь другое, кроме морального самосовершенствования, осознания приоритетности Духовного начала?

Ф. М. Достоевский увидел в добре не столько беззащитность, сколько жизненную силу. Носители добра становятся в его творчестве людьми, влияющими на ход исторических событий. Он так же, как и Л. Н. Толстой, считал, что добро как реальная сила не может насажаться искусственно, насильственно, оно может быть только результатом собственных исканий и убеждений человека, выступая и существуя как внутренний идеал. Утрата нравственности в обществе представляется Достоевскому опасной потому, что зло позволяет с легкостью манипулировать душами, а продвижение человека по пути зла приводит толь-

¹¹ См.: Гольберт В. В. О доброй войне с преступностью и худом мире // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т 6. № 1. С. 92.

¹² Толстой Л. Закон насилия и закон любви // URL: <http://www.tolstoy-lit.ru/tolstoy/religiya/zakon-lyubvi/zakon-lyubvi-1.htm>.

ко к разрушению. Мир заключает в себе основания и для гармонии, и для дисгармонии. Основанием первой является добро, второй — зло¹³.

Высказанные, казалось бы, утопические идеи тем не менее нашли свое развитие в трудах наших современников. Так, известный американский исследователь, врач-психиатр Д. Хокинс на обширном практическом и теоретическом материале пришел к выводу, что простая доброта к себе и ко всему сущему представляет собой самую могущественную силу. Сила всегда ассоциируется с тем, что выступает в поддержку жизни. Она взывает к благородному началу в человеке, в противоположность насилию, которое обращается к тому, что мы называем грубыми энергиями. Сила стремится к тому, что возвышает и делает человека достойным, — к благородству. Насилие отождествляется им с ущербностью, а сила — с целостностью и совершенством. Насилие всегда порождает силу противодействия; его влияние заключается в том, чтобы разделять, а не объединять. Разделение всегда подразумевает конфликт, поэтому его цена бывает очень высокой. Если сила взывает к нашей высшей природе, то насилие обращается к низменным инстинктам. Оно ограничено, сила же не имеет границ. Духовность всегда сопровождается отсутствием насилия¹⁴.

По мнению Д. Хокинса, если нельзя убивать человеческое существо, этот принцип не должен иметь никаких исключений. Общество, в котором разрешена смертная казнь, всегда будет сталкиваться с убийствами. И то и другое является результатом одного и того же уровня восприятия. Для убийцы смерть жертвы тоже становится позволительным исключением¹⁵.

Чезаре Беккариа в свое время, как известно, выступал в числе первых ученых за отмену смертной казни, обосновывая это, в частности, теми же аргументами. Он писал: «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, свершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял и рукой отцеубийцы и разбойника. На престоле он диктовал железные

законы жестоким, но послушным рабам, а в темных недрах частной жизни он побуждал истреплять тиранов, чтобы на место их создавать новых»¹⁶.

В наши дни мы сталкиваемся, пусть еще и редко, с практической реализацией принципа универсального гуманизма и ненасильственного разрешения конфликтов. Так, летом 2017 г. в полицейский участок в Бангкоке вбежал мужчина, угрожая ножом младшему сержанту Анириту Мали. Полицейский приказал всем покинуть здание и начал разговаривать с нападавшим один на один. На записи с камеры наблюдения видно, чем закончился их разговор: мужчина убирает нож, а полицейский в ответ его обнимает. Да, этот случай уникален. Но вот другая новость. В Голландии за ненадобностью закрыли тюрьмы. Чтобы как-то заполнить камеры, стране пришлось импортировать 240 осужденных из Норвегии, но и это не помогло¹⁷. Все это произошло не только потому, что уровень преступности в этой стране упал, но и в силу известной гуманизации уголовной политики. Этого никак не скажешь о нашей российской политике борьбы с преступностью, грешащей явно чрезмерной криминализацией многих деяний, опасность которых вызывает сомнения у специалистов, но, впрочем, также и либерализацией в отношении деяний, опасность которых, напротив, не должна допускать их декриминализации или депенализации.

Говоря о недопустимости преувеличения роли принудительных методов обеспечения общественной безопасности, о повышении степени терпимости общества к отклоняющемуся поведению, конечно, надо видеть и определенную черту, за которую нельзя переступать, чтобы не нарушить хрупкий баланс между правами человека и интересами общественной безопасности. В этом плане представляет несомненный интерес анализ конкретной проблемы через призму известного «шара Данилова»¹⁸.

Представляется, что самые глубокие вопросы криминологии пока не получили удовлетворительных ответов. Есть ли реальные отличия (и в чем они выражаются) лиц, совершающих преступления, от личности законопослушных

¹³ Проблема человека в философии Ф. М. Достоевского // URL: <https://www.infopedia.ru/9x125b8.html>.

¹⁴ См.: Хокинс Д. Сила против насилия. СПб., 2010.

¹⁵ Хокинс Д. Указ. соч.

¹⁶ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях // URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bekkar/_04.php.

граждан, в чем таится сущность такой личности? Если взглянуть на проблему еще более широко: а в чем сущность любой личности? Только ли в том, что она есть, по Марксу, ансамбль, совокупность, продукт общественных отношений? А может быть, все дело в Душе (духовности)? Существует ли она реально и как влияет на поведение, в том числе преступное? А может быть, сущность личности человека — в духовном (добром) начале, без Зла? Зло же — не сущностное свойство, а некая матрица, привнесенная из прошлых жизней деструктивными силами? Если согласиться с этим, тогда можно ли сказать, что истинная сущность человека может затеняться (или вытесняться) той или иной степенью Зла как чуждого человеческого сущности качества?

Если согласиться с вышесказанным, то получается, что по степени духовного наполнения людей можно подразделить на Людей с большой буквы, у которых духовное начало преобладает и которые не приемлют противоправного пути достижения своих целей; Людей — носителей деструктивного начала («неустойчивые преступники»), которые конфликтуют с Душой; и даже Нелюдей («злостные преступники») — носителей глубокой и стойкой антиобщественной установки, у которых от Души — только остаточные следы. Тогда задача педагогики и криминологии должна заключаться в очищении Душ от деструктивной скверны, в возвращении личности ее подлинного человеческого облика. По своему социальному содержанию каждый человек — продукт Социума, а по сущности — носитель Духа (частицы Бога / Космического Разума и т.п.). Может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте?

Подобное обезличивание характерно не только для науки и практики борьбы с преступностью. Так, китайский исследователь Чжэн Юньнянь, анализируя причины глобального политического кризиса в мире, говорит о некоем «кризисе личности». Но точнее, вероятно, говорить о кризисе не личности, а самой поли-

тики в отношении человека. Такой кризис возникает, когда политики ставят во главу угла все, что угодно, но не человека: капитал, развитие экономики, рынки, власть, управление (людьми в основном) и т.д. Все это — обстоятельства, связанные с жизнью людей, но не сами люди. Как только люди начинают переключаться от личности к другим факторам, кризис политического порядка неизбежен. На раннем этапе развития капитализма, когда люди гнались за прибылью, капитал или экономика служили им во благо. Однако названные ценности постепенно становились главной целью существования человека, и он сам стал орудием в их руках. Капитализм благосостояния, который мы наблюдаем сегодня, — это не логичный результат развития самого капитализма, а результат социальных завоеваний. Центральную роль на Западе, да и не только, начинает занимать капитал и богатство. В процессе максимизации прибыли возникает кризис личности, т.к. исчезает сообщество: богатство сосредотачивается в руках небольшой группы людей и социум разделяется¹⁹.

В свое время об этом много писал Э. Фромм, выдвинувший идею «здорового общества» как общества социальной гармонии. К последнему он относил общество, соответствующее потребностям человека. Это такое общество, в котором ни один человек не является средством для другого человека. Это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации, невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Нездоровое, ущербное общество, напротив, порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации. Но если человек живет в условиях, противоречащих его природе, основным требованиям его развития и душевного здоровья, то он не может не реагировать на них; он вынужден либо деградировать и погибнуть, либо создать условия, более согласующиеся с его потребностями²⁰.

Здоровое общество развивает способность человека любить людей, стимулирует

¹⁷ См.: Объятие вместо выстрела // URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/132919> ; В Голландии за ненадобностью закрыли тюрьмы // URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/132919>.

¹⁸ См. подробнее: Данилов А. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4.

¹⁹ См.: Чжэн Юньнянь. Нынешняя ситуация на Западе и его будущее // URL: <http://www.inosmi.ru/social/20171211/240971090.htm>.

²⁰ См.: Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М., 2005. С. 26, 28, 112, 268 и др.

созидательный труд, развитие разума, объективности, обретение чувства собственного Я, основанного на ощущении своих творческих сил. Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства Я, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом. По Фромму, сегодня человек стоит перед самым главным выбором: это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между роботизмом (в его как капиталистической, так и коммунистической форме) и гуманистическим социализмом²¹. Вне зависимости от того, как называть будущее общество, бесспорно, что в нем государство не на словах, а на деле, наконец, должно повернуться лицом к конкретному человеку, причем к каждому, а не только к избранным по тем или иным критериям. Можно было бы назвать это культом Личности, если бы не ошибочное употребление этого термина применительно к обществу, где на самом деле существовал культ Должности. Только занявший высший пост в социальной иерархии и мог претендовать на роль личности, имеющей все возможности для полноценной жизнедеятельности и развития в ущерб остальному обществу.

Не ставя своей задачей описывать более конкретный облик будущего общества, будем исходить из предположения, что верх рано или поздно возьмет идея воплощения высших ценностей государства. Под высшими ценностями российского государства понимаются специфические желаемые состояния и характеристики наиболее важных для его жизнеспособности факторов, выступающих и деятельностными мотиваторами для народа и государственной власти. К таким жизненно важным факторам государства относится утверждение высокой

нравственности на уровне как государства, так и каждого отдельного человека. Сегодня, к сожалению, по экспертным оценкам, весь государственный механизм России настроен на генерации как раз безнравственности и социал-дарвинистских настроений. Масштабное измерение динамики психологических характеристик населения страны за период 1981—2011 гг., проведенное Институтом психологии РАН, показало существенную нравственную деградацию общественного сознания, выразившуюся в массовом росте агрессивности, алчности, враждебности, беспринципности и т.п.²²

Нуждается в специальном исследовании предположение о том, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства (исключение одно: когда преступно само государство или его законы). В безнравственном государстве его граждане, по сути, объективно ставятся в положение духовных рабов, которые не ощущают своей нравственной ответственности перед государством и другими гражданами. Нравственное государство заботится о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в стратегии своей личной судьбы.

Вне зависимости от того или иного ответа на поставленные выше вопросы бесспорно, что параметры и направления развития будущей криминологии в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. Общество, которое либо будет всячески содействовать развитию криминологии и внедрению ее рекомендаций, понимая ее вклад в реальное позитивное воздействие на преступность, либо, наоборот, исподволь деградируя, не увидит необходимости в этой науке — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гольберт В. В. О доброй войне с преступностью и худом мире // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т 6. — № 1.
2. Горшенков Г. Н. Криминология как «расширенная наука» о преступности: время становления и развития. — Н. Новгород, 2015.
3. Горшенков Н. Г. Криминология в XXI веке — звезда с увеличенной светимостью // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4 (47).

²¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. С. 87, 413.

²² См. подробнее: Нравственное государство. От теории к проекту. М., 2015. С. 12, 316.

4. Данилов А. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 4.
5. Иншаков С. М. Криминология в XXI веке // Криминология вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 3 (46).
6. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. — М., 2017.
7. Лиховая С. Я., Ланцедова Ю. А. Полинаучная сущность криминологии по новой классификации юридических наук // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 3.
8. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира. — М., 2018.
9. Пилюгина Т. В., Натура Д. А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 1.
10. Судакова Т. М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 4.
11. Суходолов А. П., Маренко В. А. Моделирование прогноза рецидивной преступности с применением нечетких множеств // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 1.
12. Титаев К. Д., Скугаревский Д. А., Кнорре А., Кудрявцев В. Е., Шклярчук М. С. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9. — Вып. 1.
13. Фадеев В. Н. Будущее криминологии — криминология будущего // Российский криминологический взгляд. — 2016. — № 1.
14. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. — М., 2005.
15. Хокинс Д. Сила против насилия. — СПб., 2010.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

POSITIVE CRIMINOLOGY—THE CRIMINOLOGY OF THE FUTURE?

НОМОКОНОВ Vitaliy Anatolyevich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Far Eastern Federal University
krime@mail.ru
664003, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, d. 11, korp. 6

SUDAKOVA Tatyana Mihailovna — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Baikal State University
krime@mail.ru
664003, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, d. 11, korp. 6

Abstract. *Reflections of scholars on the future of criminology have become acute. This is not just a natural process of its development, but the reaction to the existing uncertainty in the formation of its future methodological principles and the reflection of a complex, contradictory and even destructive period of reforming basic foundations of the society itself with negative forecasts of its development. The direction of the future criminology development, to a significant extent, will depend on the format and degree of perfection of the future society. The need to modernize conceptual and theoretical foundations of fundamental criminology in the face of changing forms and dimensions of crime is now universally recognized, with many basic categories of criminological science being under consideration and not receiving satisfactory answers because of the researchers' adherence to outdated theoretical views. Today, there is a need to create conceptual foundations for the future criminology as an integrative science with the perspective use of ideas put forward and grounded by philosophical and psychological science and, possibly, esoteric provisions that have not been included in the methodology of criminology so far but could be useful for solving criminological problems. It is necessary to support proposals for determining and substantiating fundamentally new approaches to expanding methodological and theoretical arsenals of criminology, for uniting the efforts of representatives of all humanitarian and even natural and exact sciences. It seems important to actualize the problem of the possibility and expediency of using a humane-personal approach as a counterweight to total robotization and violence, as well as critical rethinking of established views on the omnipotence of belligerent solution of social problems, including crime. The assumption that any crime is*

a manifestation of not just immorality, but spiritual slavery (with the only exception when the state itself and its laws are criminal) needs thorough specific examination. Speaking about inadmissibility of exaggerating the role of compulsory methods of ensuring public security and increase in the degree of tolerance of society to deviant behavior, we must also see a certain limit that can not be overstepped in order not to disturb the delicate balance between human rights and public security interests.

Keywords: *future criminology, positive criminology, personal-human approach in criminology, conceptual foundations of future criminology.*

REFERENCES

1. Golbert V.V. O dobroy voyne s prestupnostyu i khudom mire [About a good war with crime and a lean peace]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2003. Vol. 6. No. 1.
2. Gorshenkov G.N. Kriminologiya kak «rasshirennyaya nauka» o prestupnosti: vremya stanovleniya i razvitiya [Criminology as an “extended science” on crime: The time of formation and development]. N. Novgorod, 2015.
3. Gorshenkov N. G. Kriminologiya v XXI veke — zvezda s uvelichennoy svetimostyu [Criminology in the XXI century — A star with increased luminosity]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2017. No. 4 (47).
4. Danilov A. Prestupnostivedcheskoe polozhenie o terpimosti (kriminologicheskaya teoriya tolerantnosti) [Criminality on tolerance (criminological theory of tolerance)]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2015. No. 4.
5. Inshakov S.M. Kriminologiya v XXI veke [Criminology in the XXI century]. *Kriminologiya vchera, segodnya, zavtra [Criminology yesterday, today, tomorrow]*. 2017. No. 3 (46).
6. Larina E.S., Ovchinsky V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes [Crime of the future is already here]. Moscow, 2017.
7. Lihovaya S. Ya., Lancedova Yu. A. Polinauchnaya sushchnost kriminologii po novoy klassifikatsii yuridicheskikh nauk [Polyscientific essence of criminology under the new classification of legal sciences]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 3.
8. Ovchinsky V.S. Kriminologiya tsifrovogo mira [Criminology of the digital world]. Moscow, 2018.
9. Pilyugina T.V., Natura D.A. Ispolzovanie metoda matematicheskogo modelirovaniya pri prognozirovanii regionalnoy prestupnosti v voprosakh ee preduprezhdeniya [Using the method of mathematical modeling in forecasting regional crime in the prevention of it]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 1.
10. Sudakova T.M. Kriminologicheskoe issledovanie: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Criminological research: theoretical and methodological foundations]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2017. Vol. 11. No. 4.
11. Sukhodolov A.P., Marenko V.A. Modelirovanie prognoza retsidivnoy prestupnosti s primeneniem nechetkikh mnozhestv [Modeling the forecast of recidivism with the use of fuzzy sets]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2018. Vol. 12. No. 1.
12. Titaev K.D., Skugarevsky D.A. Knorre A., Kudryavtsev V. E., Shklyaruk M.S. Manifest novoy kolichestvennoy kriminologii «Ugolovnaya politika s oporoy na dannye» [Manifesto of the new quantitative criminology “Criminal policy with data support”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2018. Vol. 9. Iss. 1.
13. Fadeev V.N. Budushchee kriminologii — kriminologiya budushchego [The Future of criminology is the criminology of the future]. *Rossiyskiy kriminologicheskij vzglyad [Russian Criminological Outlook]*. 2016. No. 1.
14. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo. Dogmat o Khriste. [A Healthy Society. The Dogma of Christ]. Moscow, 2005.
15. Hawkins D. Sila protiv nasiliya [The Force Against Violence]. St. Petersburg, 2010.